

Мне посчастливилось быть знакомой с Василием Макаровичем Шукшиным в далекие студенческие годы. В 1960 годах я училась в Томском государственном университете на филологическом факультете. Предметом моих научных интересов была народная культура: язык (диалектология), фольклористика, этнография. На II курсе должна была написать курсовую работу по современной советской литературе. Я выбрала для исследования сборник рассказов Василия Шукшина «Сельские жители», это был его первый сборник. Защищать курсовую работу было непросто; автор был еще неизвестен, а если кто и знал его, то только как актера и начинающего режиссера. Я написала письмо Шукшину — он ответил: так завязалась наша переписка. А позже, уже на пятом курсе, я приехала в Москву завершать работу над дипломным проектом и встретила с Василием Макаровичем.

«Позови меня в даль светлую...» — возможно, лучшее название повести из всех, что есть у Василия Макаровича Шукшина.

Бескрайняя снежная равнина, освещенная неярким зимним солнцем, или летняя колышущаяся ковылем бескрайняя степь за окном... И маленькое сердце Васи Шукшина, сельского мальчишки, уже тогда, в детстве, рвалось в эту даль за горизонтом и кого-то безгласно просило: «Позови меня в даль светлую...» И эта непонятная тоска мучила его и какими-то невидимыми нитями связывала его сердечную память с природой родного Алтая, с историей родного народа, с предками, когда-то жившими на Волге. «А предки мои, — рассказывал Шукшин, — с Волги. Была такая речонка Шукша, впадала в Волгу, на ней деревня Шукша. Река высохла. Деревни нет. А живет в языке сrostкинцев многое от тех дней и времен далеких, когда плавали струги Стеньки Разина».

Всю свою недолгую жизнь в искусстве Шукшин мучился вопросом правильности выбранного пути, метался между кинематографом и писательством. «Хочется писать. А что я такого знаю, чего не знают другие, и что дает мне право рассказывать? Я знаю, как бывает в степи ранним, летним утром зеленый тихий рассвет. В низинах легкий, как дыхание, туман. Тихо. Можно лечь лицом в пахучую влажную траву, обнять землю и слушать, как в ее груди глубоко шевелится огромное сердце. Многие понимаешь в такие минуты, и очень хочется жить. Я это знаю».

Но не только художественный дар слова настойчиво звал Шукшина к писательству, но и неутолимая жажда правды. В своем обращении к молодежи в посмертно изданных публицистических статьях, в интервью — он яростно призывал к правде, и только в правде видел возможность нравственного самоопределения и самостояния человека. С такими же требованиями подходил Шукшин и к своим литературным и кинематографическим героям. Не случайно одна из публицистических статей его так и озаглавлена — «Нравственность есть правда». Категоричность, резкость в оценках, непримиримость с ложью объяснима еще и тем, что Шукшин принадлежал военному поколению подранков, травмированных не только войной, но и предшествовавшими ей репрессиями. Отец Василия Макаровича был репрессирован, отчим погиб на войне.

Упорное неприятие фальши, пошлости, приспособленчества — все это создавало непреодолимые подчас препятствия и сложности в его как личной, так и творческой жизни. Шестидесятые годы прошлого века, знаменитые так называемой «оттепелью», не были столь уж «теплыми» для сельских жителей и добродушных, порой наивных выходцев из села, приезжавших в город. В Политехническом музее в центре столицы нашей родины «гремели» поэты-трибуны Евтушенко и Вознесенский, а вся страна погружалась в тину показухи и лжи. Невероятная утопия полной победы коммунизма в стране к 1981 году дорого стоила народу. Самый большой удар по селу был нанесен именно в эти годы. Н. С. Хрущёв пообещал не только уничтожить Церковь, показав последнего попа, но и уничтожить личные хозяйства крестьян, показав миру последнего «собственника-единоличника». Деревни стали объявляться неперспективными, а жители их стали покидать землю предков. Было очевидно, чем это может грозить как всей стране, так и отдельному жителю. (Теперь-то мы видим эти жуткие последствия последнего этапа раскрестьянивания страны.) Понимал это и Василий Макарович. Однако невозможность говорить об этом напрямую, заидеологизированность, фальшивость и лживость официальной прессы и официального искусства заставили обратиться к истории.

«Просторные и буйные души были: Хабаров, Ермак, Разин», — восхищался Шукшин. Это вольнолюбие всегда привлекало его. Образ Разина живет в Шукшине с первых его рассказов. И в 1966 году он приступает к сбору материалов о Степане Разине. В августе этого же года пишет в одном из адресованных мне писем: «А нет ли чего у Вас там, в Канске. Каких-нибудь старичков-казачков... Какая-нибудь, может быть, обрядовая или языковая странность. Пусть не прямо казачья, не важно. Дон и Поволжье 17 в. — это же изрядный Вавилон. Все могло быть. Русское. (Подчеркнуто автором письма. — Л. А.). Интересно все. Тема? — Разин. Конец Персидского похода и — до Москвы, до топора. (1669-1771). Не экранизация существующих романов, а сделать заново, по документам. Они лучше. "Художественнее"».

Русский писатель, возрастая в своем гражданском сознании, становится русским историком. По этому пути шел и великий

Пушкин, заняв место историографа Карамзина и написав «Историю пугачевского бунта». И Шукшин стал на этот путь. Почему Пугачёв и Разин? Возможно, в этих мощных фигурах надеялись они постичь тайну русского духа и истоки русской трагедии.

В квартире Шукшина на Русанова за стеклами книжного шкафа стоял портрет Ф. М. Достоевского. Прежде я никогда не видела такого. Спросила что это за портрет. Василий Макарович коротко ответил: «Мечтал сыграть — не случилось». Сходство было потрясающее, никакого грима я не заметила. Передо мной был сам Фёдор Михайлович Достоевский. Тогда, в 60-е годы, не принято было углубляться в Достоевского. Другие кумиры властвовали умами. Интеллигенция зачитывалась Хемингуэем. «Оттепель» была на исходе, а безысходность была реальной. В феврале 1969 года Шукшин познакомил меня с материалами заседания художественного совета киностудии, на котором обсуждался вопрос о постановке двухсерийного фильма по литературному сценарию Шукшина «Я пришел дать вам волю». В 1967 году этот сценарий был признан лучшим сценарием года, однако в чем только не обвиняли оппоненты автора: в огромности материала (мол, не войдет в две серии); в антиисторизме, в безыдейности и т. д. В формулировках не стеснялись. Так, один из ярких оппонентов назвал героя сценария Степана Тимофеевича Разина «каким-то психом». Нетрудно представить, как болело сердце автора при этом, как трудно было ему защищать свое детище. Но он отвечал сдержанно: «Мысль о свободе всегда присутствовала у народа. Выразил в 17 веке это Разин. Я себе таким представляю Разина. Он до того намечтался о свободе, что это у него дошло до неистовства, до истерики. До того в одном человеке затягивается в тугой узел и заставляет болеть сердце, что он становится излишне жестоким».

Постановка фильма требовала немалых денег, и без серьезного обсуждения и положительной резолюции художественного совета государственная киностудия (а других тогда и не было) не могла разрешить съемки фильма. У кинематографического же руководства были большие претензии и к объему материала, и к образу главного героя, которого, конечно же, должен был сыграть сам автор. В результате решение о запуске фильма было

принято дирекцией «Мосфильма» только в сентябре 1974 года, а 2 октября Василия Макаровича не стало. И чуть позже в издательстве «Советский писатель» роман «Я пришел дать вам волю» вышел, наконец-то, отдельной книгой.

То есть более пяти лет автор бился за постановку своей киноэпопеи и за отдельное, не журнальное, издание романа о Степане Разине. И не дожил, не дождался...

...Теперь, когда я нередко вижу на экране дочь Василия Макаровича Марию Шукшину, я вспоминаю тот далекий февральский день 1969 года, когда я была в доме писателя. И маленькая двухлетняя беленькая и пухленькая Машенька изображала по просьбе папы балерину. С какой любовью и нежностью смотрел на нее Василий Макарович! Из кухни доносился запах блинов. «Это теща домовничит, пока жена на съемках, — пояснил хозяин, — а я вот недомогаю и, пользуясь этим, работаю дома — пишу». В тесном коридорчике хрущевки на стене висела большая афиша фильма «Живет такой парень» — на весь лист портрет Леонида Куравлёва. «А это мой лучший друг и любимый актер», — с теплотой в голосе отметил Василий Макарович. Он достал с полки книжку 1968 года издания — сборник рассказов «Там, вдали...» — и подписал мне на добрую память.

В ту памятную преддипломную командировку в Москву мне посчастливилось не раз побывать на киностудии им. М. Горького, присутствовать на монтаже фильма «Странные люди», пообщаться с актерами и самим режиссером. И все-таки более интересным для меня Шукшин был как сценарист и писатель. Ведь главной задачей моего дипломного исследования был лингвистический и стилистический анализ литературного киносценария «Я пришел дать вам волю».

Весной 1969 года я защитила свою работу на «отлично». И до сих пор жалею, что, то ли по своей деревенской стеснительности, то ли по своему молодому недомыслию, не отправила Шукшину текст своей дипломной работы. Возможно, мой исследовательский трехлетний труд помог бы ему тогда, когда он бился за экранизацию своего детища, или хотя бы поддержал его серьезным, надеюсь, глубоким, и добрым отношением к его творчеству. В своей работе я не вдавалась в историческое содержание

сценария, а только через лингвостилистический анализ текста показывала всю художественную грандиозность проделанной автором работы. Увы! Мы в молодости бываем так глупы и беспечны. Вот и письма его не берегла так старательно, как нужно было...

...Нам, родившимся и выросшим в Сибири, никогда этот край не представлялся местом вечных ссылок, а был родным домом, милой малой родиной. А необъятные пространства своей большой Родины мы ощущали и осознавали не у географической карты, а буквально выйдя за околицу своего села, а то и просто ступив на крыльцо родительского дома. У святителя Николая Японского в дневниках есть выражение «мой кровоточащий патриотизм». Как точно подходит это определение той любви-страданию, что испытывал Василий Макарович к своей Родине. И как же было не кровоточить сердцу при виде того, как последние отпрыски крестьян все чаще заполняют тюрьмы, а пашни пустеют и деревни исчезают с лица земли. Ведь нынешнее запустение началось тогда, в 60-е годы, с объявления «неперспективными» сотен и тысяч деревень, с так называемого укрупнения сельских районов. Позже, уже после смерти Василия Макаровича, мне не раз приходилось выступать с лекциями о его жизни и творчестве и всякий раз доказывать, что нет, не сидел Шукшин в тюрьме, не был зеком. Все, смотревшие его фильм «Калина красная», были уверены, что это он снял фильм про себя. Такая достоверность шла не просто от актерского таланта, она шла от переживаемого сострадания и душевной сопричастности к народной беде. Эта сопричастность и великий талант писателя позволили Шукшину даже в коротеньком рассказе суметь отразить через судьбу крестьянского парня потрясающую трагедию многих деревенских выходцев, попавших в большой город (рассказ «Жена мужа в Париж провожала»).

В последние годы жизни наряду с рассказами у Шукшина появляются публицистические очерки, эссе, интервью. Прекрасно представляю, как возник очерк «Монолог на лестнице». Во время перекуров на киностудии в процессе монтажа или съемок Шукшин любил уединяться на лестнице. Ни разу не видела его вальяжно развалившегося в кресле фойе или курительной комнате. В темной, глухо застегнутой рубашке, сосредоточенный. Глаза

с добрым прищуром. Облик мудрого крестьянина. И вдруг... размышления об интеллигентности, духовности. Что понимает сельский народ, близкий к труду на земле, под словами «человек хороший»? — задается Василий Макарович вопросом в своем очерке. И отвечает: значит это человек без фальши; там, в деревне, фальшь сразу видна.

Почему так волновал этот вопрос Шукшина? Болело сердце за деревню, которая исчезает, засоряется показухой, наносной, чуждой национальному характеру культурой, а чаще всего — псевдокультурой, города. Достаточно и ныне посмотреть на архитектурные «изыски» советских времен в строительстве сельских домов культуры и типовых жилых домов, похожих на казармы, безликих и уныло однообразных. Характер же сельского жителя, переселившегося в город, резко меняется: в условиях анонимности и отсутствия прежнего контроля общественным мнением и тесными родственными связями, сельчанин становится подчас если и не преступником, не нарушителем общественного порядка, то просто человеком, дезориентированным в городской среде. За пресловутым «стиранием граней между городом и деревней» (термин советских обществоведов) стояла страшная трагедия не просто исчезновения деревни, а исчезновения народа — хранителя христианской нравственности, которую Шукшин понимал как высшую правду.

В те годы еще не было распространено слово «толерантность». Но само понятие уже существовало. И Шукшин высказал совершенно определенное отношение к нему. В одном из интервью он сказал: «Я представляю себе общество, где все грамотны, все очень много знают (*по-современному: информированы. — Л. А.*), и все изнурительно учтивы (*т. е. толерантны. — Л. А.*). Это хорошо, но общество, где все добры друг к другу, — это прекрасно!»

Бывшая когда-то в студенчестве неприязнь к стилигам и блатным недорослям переросла у Шукшина в ненависть к дельцам от искусства, ложным патриотам, демагогам. С ними приходилось сталкиваться, бороться. Сосуществовать с ними Шукшин не мог. Для них же он оставался деревенщиной, выскочкой. И это омрачало жизнь, уносило здоровье. Около 10 лет Шукшин вообще не имел московской прописки. Все больше задумывался о том,

чтобы покинуть Москву, уехать на родину, в Сростки, и писать, только писать.

Об этом он говорил в своем последнем интервью, на эту мысль наталкивала его и встреча с Шолоховым во время съемок фильма «Они сражались за Родину», где он исполнил роль рядового Лопатина. Шукшин не мог не восхищаться и по-доброму не завидовать образу жизни великого писателя, живущего в родной станице, вдали от столичной суеты и дрязг. Возможно, и Шукшин осуществил бы свою мечту и вернулся к истокам, в родное алтайское село Сростки, проживи он дольше. В последние годы жизни он все более склонялся к писательскому труду. Но и ранее (в 1967 г.) в статье «Средства литературы и средства кино» он писал: «Средства литературы — неизмеримо богаче, разнообразнее, природа их иная, нежели природа средств кинематографа. Литература питается теми живительными соками, которые выделяет ... живая жизнь...»

В одной из последних его повестей «До третьих петухов (Сказка про Ивана-дурака как он ходил за тридевять земель набраться ума-разума)» усиливается сатирическое начало. Юмор, переходящий в сатиру, острую, щедриновскую. В сказочной, аллегорической форме неприязнь автора к живучему мещанству, чванству и чиновничьему беспределу. Была сделана и заявка в драматургии: пьесы «Энергичные люди», «А поутру они проснулись». Судьба не позволила нам увидеть осуществление тех замыслов, коими был полон автор, в расцвете творчества ушедший из жизни.

...Символом великой русской культуры является равнина. И неслучайно даль необозримая присутствует в образной картине писателя, сценариста и режиссера В.М. Шукшина. Герой повести «Там, вдали...» засмотрелся вдаль: «За пустырем, внизу, протекала сонная речушка, за стеной вставал лес. И уходил лес далеко-далеко, куда хватал глаз, — терялся в призрачной вечерней дымке. Тихо было в этой части города, покойно. Как в деревне».

Какая неизъяснимая тайна скрыта в душе каждого человека, какими чудесными невидимыми нитями она связывает нашу сердечную память с природой, а через нее и с тайной другого человека, с тайной жизни в целом. На этой тайне держится мир земной, а может быть, и неземной, горний, потому что самая великая тайна — это Бог.

Но как медленно мы мудреем и восходим к нему! Шукшин восходил своим нелегким путем в отпущенные ему короткие сроки жизни. Несмотря на жесткую антицерковную политику власти в рассказах и фильмах Шукшина присутствует тема покаяния и образ православного храма. Особенно четко — в фильме «Калина красная».

Сейчас нередко литературоведы и просто читатели задаются вопросом: а был ли Шукшин религиозным человеком, а стал ли бы таковым, доживи он до наших дней? Непременно. Только путь его к истине был невероятно трудным и оборвался так внезапно рано, на взлете.

Письма В. М. Шукшина к Л. И. Андросовой

Москва, апрель 1966 г.

Здравствуйте, Людмила!

Не знал, что причинил Вам столько неприятностей*. Ничего, полезно по молодости. Впредь выбирайте писателей, кои не вызывают никаких сомнений.

Рад познакомиться с Вами. А вот как это сделать? Я не уверен, что 27 буду в Москве. (Еду сейчас на Дон и на Волгу собирать материал о Степане Разине**.) Однако Вы накануне приезда дайте знать: может статься, что к тому времени вернусь. Словом, теперь уж не теряйтесь «в миру». Вы тоже могли бы сейчас помочь мне. Вот в чем дело: в какой степени, как, в каком направлении, под влиянием каких обстоятельств складывался (если можно так сказать) язык сибирских казаков? Уклонился от прародительского — донцов. Может, там есть спецы? Поинтересуйтесь. Напишите. Буду Вам премного благодарен. Может, работы какие-нибудь есть.

Напишите?

С ув. <ажением> Шукшин

ПРИМЕЧАНИЯ:

*... Не знал, что причинил Вам столько неприятностей. — Л. И. Андросова вспоминает: «В 1964 году после окончания средней школы я поступила на историко-филологический факультет Томского государственного университета. На втором курсе мы должны были писать курсовые работы по совет-

ской литературе. Доцент кафедры лингвистики Галина Ивановна Климовская посоветовала мне почитать рассказы некоего киноактера Василия Шукшина. Я и сейчас ясно помню эту тонкую в зеленой обложке книжицу под названием «Сельские жители» и первые строчки первого в ней рассказа: «Февраль 41-го. Где-то идут жестокие бои, а на краю сибирской деревни мальчишки режут-ся в бабки»... И дальше все на одном дыхании. Все такое знакомое, родное. Я ведь тоже выросла в сибирской деревне, а мальчишки — мои старшие братья — так же «резались» в бабки в годы войны. И хотя я родилась в послевоенном 46-м, войну помню, как будто и взаправду была на фронте вместе с отцом (как шутили мои старшие братья и сестра, когда я не находила себя на семейных довоенных фотографиях).

Выступила я со своей курсовой на студенческой конференции и была раскритикована за субъективность, чрезмерную пристрастность и проч. Действительно, эмоций было много, а профессионализма ничуть. Была очень расстроена. Даже плакала. А потом села и написала жалобное письмо автору (блажен человек в 19 лет, сейчас, в 66, я бы не решилась). Ответ пришел неожиданно скоро. За три года переписки писем было немного — не более 6-8. Первое я получила, скорее всего, весной 1966 года. К сожалению, конверты не сохранились, так же как и основная часть писем. Дело в том, что я жила в старом университетском общежитии ТГУ (на ул. Ленина), в подвале которого находилась камера хранения. Уезжая на каникулы, мы сдавали вещи и свои учебные материалы в эту камеру хранения. Подвал часто заливала вода из проржавевших труб. Однажды вообще был потоп, и мы обнаружили свои вещи и бумаги сохнувшими по всему двору общежития.

Абитуриенты летом стали спасателями нашего «добра». Конечно же, много вещей, а особенно бумаг, книг, просто пропали или были выброшены на помойку. Так погиб и мой «архив». А надо сказать, что кроме писем там были и бесценные, действительно архивные материалы, как-то: подшивка журнала «Нива» за 1880 год с первой публикацией романа Л. Толстого «Анна Каренина», первое русское, дореволюционное издание «Жизни животных» Брэма и многое другое, что было мне подарено моим школьным учителем физики, сосланным в Сибирь еще до смерти Сталина.

Но признаюсь, что я тогда об этом не долго горевала; в те годы как-то не задумывалась о том, что ныне является, да и тогда было, раритетом. И осознание утраты пришло позднее. Поэтому не мудрено, что не сохранились конверты от писем. Я могу только сказать, что переписка, в основном, поддерживалась зимой (летом Василий Макарович уезжал в киноэкспедиции).

... Еду сейчас на Дон и на Волгу собирать материал... — В апреле-мае 1966 года В.М. Шукшин совершил рабочую поездку по Волге от Ульяновска до Астрахани, а затем побывал в Ростове-на-Дону, Новочеркасске и других местах, связанных с жизнью и деятельностью Степана Разина. В период поездки писатель активно работал в музейных и архивных фондах, встречался со специалистами, изучающими культуру и быт разинской эпохи, собирал материал для сценария фильма о Степане Разине (заявка на литературный сценарий подана в марте 1966 г.).

Москва, июнь 1967 г.

Людмила!

Пишу Вам домой, ибо опять уезжаю. «В деревню, к тетке...»*.
Домой тоже.

Спасибо за книжку**. Это хорошо. Надо. А я думал, что в Томской-Омской обл-астях как раз больше осталось от казаков. Ну, ничего.

Хотелось повидаться с Вами, да вот... такая незадача. Ну еще увидимся.

Людмила, а нет ли чего у Вас там, в Канске?***. Каких-нибудь старичков-казачков... Какая-нибудь, может быть, обрядовая или языковая странность. Пусть не прямо казачья, не важно. Дон и Поволжье 17 в. — это тоже изрядный Вавилон. Все могло быть. Русское. Интересно все. Тема? — Разин. Конец Персидского похода и — до Москвы, до топора (1669-1771). Не экранизация существующих романов, а сделать заново, по документам. Они лучше. «Художественнее».

И нет ли чего в библиотеке на эту тему, кр.<оме> Злобина и Чапыгина?**** Сибирского издательства. Посмотрите, пожалуйста. Ладно?

Буду очень благодарен.

Хорошего Вам отдыха!

До свиданья.

Шукшин

ПРИМЕЧАНИЯ:

* ... *«В деревню, к тетке...»* — Цитата из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (Действ. 4, явл. 14). Л.И. Андросова пишет: «Второе письмо было отправлено в г. Канск Красноярского края, куда переехали мои родители в 1967 году. Летом я была на каникулах у родителей, и это письмо получила именно там. Хотя, возможно, я и ошибаюсь, но не более чем на один год, так как киносценарий В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» был признан лучшим киносценарием 1967 года и получил премию братьев Васильевых. А в письме он как раз говорит о том, что собирает материал о Степане Разине.

В феврале 1969 года, на зимних каникулах, я была официально командирована в Москву, во ВГИК, для работы над своим дипломным сочинением «Лингвостилистический анализ киносценария В. М. Шукшина "Я пришел дать вам волю"».

При встрече на киностудии им. М. Горького Василий Макарович дал мне почитать протоколы заседаний художественного совета киностудии по обсуждению сценария и утверждению (или неутверждению) его к постановке. Не утвердили, ни тогда, ни позже. О, как я жалею теперь, что в те годы не было возможности скопировать эти «перлы» выступлений идеологов советской позиции «тащить и не пущать». В чем только не обвиняли автора: и в антиисторизме, и все в том же субъективизме. А шукшинского Степана Тимофеевича Разина вообще назвали «психом»! В общем, натерпелся Василий Макарович сполна. Жалко было бросать уйму собранного материала к фильму, и Шукшин взялся за написание романа о Степане Разине.

Позже он сделал новую попытку снять фильм о Разине, но я уже не знаю подробностей, так как с окончанием университета и успешной защитой дипломной работы вышла замуж и уехала в Красноярск. Переписка наша прервалась.

При нашей встрече Василий Макарович убеждал меня поехать после университета в село, учительствовать. Обещал даже приезжать в гости. У него болело сердце за село и его жителей. Однако я выбрала другую стезю, хотя и не ушла от деревенской темы. Занялась социологическими исследованиями культуры села. Долго не могла защитить диссертацию, т.к. обвинялась в очернительстве сельской культуры (я писала о нравственной деградации сельской жизни). После выступления М. Горбачёва на пленуме ЦК 1984 года, наконец, защитилась, уже в 40 лет получила звание кандидата философских наук (культурологии как отдельной дисциплины тогда еще не существовало)».

** ... *Спасибо за книжку...* — 1950-1960 годы в Томском госуниверситете ознаменовались мощным всплеском научных исследований в области топонимики и диалектологии Сибири. В частности, в 1964-1967 годах был опубликован

«Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби» в трех томах. По воспоминаниям Л.И. Андросовой, по просьбе Шукшина, она высылала ему отдельные тома этого словаря и другие книги по сибирской диалектологии.

*** ... *у Вас там, в Канске...* — Летом 1967 года родители Л.А. Андросовой из Красноярска, где долгое время проживала семья, переехали в г. Канск. На летних каникулах Л.И. Андросова навестила их. Там же ею было получено письмо В.М. Шукшина.

**** ... *кр.<оме> Злобина и Чапыгина...* — В.М. Шукшин имеет в виду романы «Разин Степан» (1927) А.П. Чапыгина (1870-1937) и «Степан Разин» (1951) С.П. Злобина (1903-1965).